

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Протасовицкий С. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
hello@prata.me*

Аннотация. В статье раскрывается гражданско-правовая природа смарт-контракта с применением формального и функционального подхода. Отмечена возможность его квалификации как объекта авторского права. Приведена аргументация того, что смарт-контракт может быть гражданско-правовым договором, но не каждый из них есть договор. Показаны особенности заключения, исполнения, изменения и прекращения смарт-контракта.

Ключевые слова: смарт-контракт; гражданско-правовой договор; программный код; распределенная информационная система; автоматическое исполнение.

THE CIVIL LAW NATURE OF SMART CONTRACT

Pratasavitski S.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
hello@prata.me*

Abstract. The article reveals the civil law nature of smart contract using a formal and functional approach. The possibility of its qualification as an object of copyright is noted. It is argued that a smart contract can be a civil law agreement, but not every smart contract is such an agreement. The peculiarities of conclusion, execution, modification and termination of a smart contract are shown.

Keywords: smart contract; civil law agreement; program code; distributed ledger; automatic execution.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренная Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 2 мая 2017 г., предусматривает реализацию концепции, направленной на создание цифровой экономики (п. 13). С этой целью Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 (далее – Декрет № 8) постановлено провести в рамках Парка высоких технологий (далее – ПВТ) правовой эксперимент для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство, для чего резидентам ПВТ предоставлено право, помимо прочего, осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта (п. 5.3). С 21 октября 2019 г. такое же право имеют Национальный банк и участники межбанковской системы идентификации (п. 1.13 Указа Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148). Возникновение в белорусском правовом порядке и начавшееся внедрение в гражданский оборот новой конструкции, именуемой «смарт-контракт», порождает необходимость ее научного осмысления и гражданско-правовой квалификации. Как отмечают Е. А. Кириллова и Т. Э. Зульфугарзаде, «понимание правовой природы, юридических концептуальных основ, сущности, технико-правовых принципов работы смарт-контрактов объективно необходимо для совершенствования их гражданско-правового обеспечения в самом ближайшем будущем» [1, с. 3].

Для решения поставленной научной задачи нам дано явление, обозначенное термином «смарт-контракт». На основе его анализа мы должны уяснить, что есть смарт-контракт в цивилистике по своей сути, каким гражданско-правовым понятием он охвачен. Это позволит установить его правовой режим и выявить возможные проблемы использования в гражданском обороте.

Смарт-контракт находит выражение в программном коде – тексте, составленном на языке программирования. Его содержание образуют инструкции (алгоритмы), определяющие условия, параметры и порядок выполнения операций в распределенной информационной системе.

Формальный подход к смарт-контракту приводит к мысли, что он являет собой компьютерную программу (ее часть). Следовательно,

смарт-контракт, созданный творческим трудом, есть объект авторского права (подп. 10 п. 1 ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Такой вывод не вызывает возражений, однако не отражает сущность смарт-контракта, которая раскрывается при функциональном его рассмотрении.

Операции, выполняемые в результате реализации смарт-контракта, могут иметь гражданско-правовое значение. По дефиниции белорусского законодателя, в подобных операциях заключается его смысл: «Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования... в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий» (п. 9 Приложения 1 к Декрету № 8). В связи с этим, а также наличием в его обозначении слова «контракт» в литературе обсуждается вопрос о квалификации смарт-контракта в контексте договорного и обязательственного права.

Ряд зарубежных авторов видят в данном явлении договор с особым исполнением. «Смарт-контракт, – пишет М. Раскин (M. Raskin), – это соглашение, исполнение которого автоматизировано» [2, с. 309]. Р. де Кариа (R. de Caria) называет смарт-контрактом любое цифровое соглашение, которое выражено в компьютерном коде и автоматически исполняется на блокчейне или аналогичной распределенной системе без какого-либо вмешательства человека [3, с. 24]. По мнению М. Руданко (M. Rudanko), программный код включает в себя договор, исполняемый без вмешательства сторон при соблюдении предустановленных условий [4, с. 61]. Таким образом, полагает Я. Дальхузен (J. Dalhuisen), смарт-контракт можно определить как соглашение, суть которого состоит в автоматизации и самоисполнении предустановленного условного плана действий [5, с. 41].

Аналогичная позиция находит поддержку отечественных авторов. На взгляд А. И. Савельева, «смарт-контракт – это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [6, с. 99]. Сомова Е. В. предлагает «рассматривать смарт-контракт как договор в форме программного кода или отдельные договорные условия, содержащий/

содержащие положение об автоматизированном исполнении обязательств сторон» [7, с. 83]. В самом общем виде А. А. Волос определяет его «как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна» [8, с. 13]. С точки зрения Е. В. Зайнудиновой, «смарт-контракт представляет собой договор, заключаемый в децентрализованной распределенной информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты» [9, с. 10].

Вместе с тем в литературе присутствует и несколько иное понимание исследуемого феномена. По мнению Л. И. Сафаргалеева, «смарт-контракт нецелесообразно рассматривать как самостоятельное соглашение (договор)... Это обусловлено тем, что договор есть абстрактная юридическая конструкция и распространение на смарт-контракты правового режима договоров повлечет большие трудности в правоприменении. Правильно рассматривать смарт-контракты как разновидность письменной формы договора» [10, с. 28]. «...Смарт-контракт, – утверждает В. О. Пучков, – есть в первую очередь способ исполнения договорных условий. Тем самым считать его договором... неправомерно прежде всего из методологических соображений, поскольку это приведет к смешению договора как конституирующего гражданское правоотношение правового акта и самого опосредуемого им гражданского правоотношения, т. е. по сути – к фундаментальной понятийной ошибке» [11, с. 21].

Договорная квалификация смарт-контракта возможна лишь при совместимости соответствующих понятий. В силу п. 1 ст. 390 ГК «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». По своей форме соглашение может быть устным и письменным (п. 1 ст. 404, п. 1 ст. 159 ГК). Его содержание образуют условия о гражданских правах и обязанностях.

Договор и смарт-контракт, будучи способными к письменному выражению, совместимы по форме. При этом нет юридических препятствий для составления договора (его части) на языке программирования. Но, поскольку стороны думают на естественном

языке, необходимо обеспечить корректное понимание ими программного кода. Одно из решений – включение в смарт-контракт комментария на естественном языке. Он не влияет на семантику кода и является пояснением текста последнего. Такой подход уже реализуется в белорусском законодательстве (подп. 8.2 п. 8 Положения о порядке совершения и (или) исполнения сделок... посредством смарт-контрактов, утвержденного Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428, далее – Положение о смарт-контрактах). Другое решение – разработка унифицированных правил подготовки и толкования смарт-контрактов или иного подобного документа с переводом типичных условий договоров на язык программирования и наоборот.

Не вызывает сомнений совместимость договора и смарт-контракта по содержанию. Если операции в распределенной информационной системе влекут гражданско-правовые последствия, то программные инструкции, исполнение которых воплощается в этих операциях, можно признать условиями о гражданских правах и обязанностях. Как пишет А. И. Савельев, «если содержанием программного кода является совершение операций, которые представляют собой автоматизированный эквивалент действий сторон, которые могут выступать предметом гражданско-правового договора, то такой смарт-контракт вполне может рассматриваться в качестве юридически значимого соглашения сторон» [6, с. 106–107].

Отметим, запрограммированные операции не всегда имеют гражданско-правовое значение. Вместе с тем для целей Декрета № 8 программный код, направленный на юридически безразличные операции, не считается смарт-контрактом.

Таким образом, договор и смарт-контракт – понятия совместимые (пересекающиеся). Смарт-контракт может быть договором (его частью), но не всякий смарт-контракт есть договор.

Заключение договора в письменной форме требует подписания текстового документа каждой из сторон (часть первая п. 2 ст. 404 ГК). Однако возможна комбинация письменной оферты и акцепта в форме действий по выполнению указанных в оферте условий договора (п. 3 ст. 404, п. 3 ст. 408 ГК). Иначе говоря, для заключения

договора необходима подпись хотя бы одной стороны. Но заключение смарт-контракта допускается без учинения подписей, если обстоятельства его заключения позволяют определить, что волеизъявление исходит от стороны по договору (часть четвертая п. 21 Положения о ПВТ, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12, далее – Положение о ПВТ). Смарт-контракт, размещенный в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, содержащий существенные условия договора и предложение заключить его на указанных условиях с любым, кто отзовется, считается публичной офертой (часть пятая п. 21 Положения о ПВТ). Она акцептуется конклюдентным действием участника сети.

В соответствии с подп. 8.3 п. 8, п. 9 Положения о смарт-контрактах факт совершения сделки (заключения смарт-контракта) связан с согласием ее участников на совершение этой сделки. Думается, законодатель здесь допустил ошибку, назвав сделочное волеизъявление согласием на совершение сделки. Юридическая конструкция такого согласия получила закрепление в ст. 158-1 ГК. Она тоже подразумевает волеизъявление, но со стороны третьего лица, а не участников сделки.

Если смарт-контракт выступает частью договора, то его заключение происходит в обычном порядке (вне распределенной информационной системы).

Гражданско-правовой договор может быть изменен и расторгнут (п. 1 ст. 420 ГК). Однако смарт-контракт, размещенный в распределенной системе, обладает техническим иммунитетом от изменения программного кода. Ни стороны, ни третьи лица не способны внести корректировки в смарт-контракт, даже если того требует закон. Единственный вариант – создание смарт-контракта с инструкциями, исполнение которых влечет его изменение или прекращение. За отсутствие у смарт-контрактов гибкости в плане возможности их корректировки Л. ДиМаттео (L. DiMatteo), М. Каннарса (M. Cannarsa) и К. Пончибо (C. Poncibò) называют их не только умными (smart), но и глупыми (dumb) [12, с. 9].

Если смарт-контракт – договор, по определению он направлен на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Когда для этого требуется действие одной стороны

в пользу другой, возникает обязательство, подлежащее исполнению (ст. 288 ГК). Тут открывается, пожалуй, главная особенность смарт-контракта – автоматическое исполнение.

На взгляд Е. В. Сомовой, смарт-контракт обнаруживает новый способ исполнения обязательств, а именно их автоматизированное исполнение [7, с. 81]. Как объясняет А. И. Савельев, «доверие к контрагенту, обеспечиваемое в классическом договорном праве инфраструктурой принудительной системы государства, заменяется в смарт-контракте на доверие к программному коду, исполнение которого обеспечивается децентрализованной инфраструктурой, объединенной общими общедоступными для ознакомления техническими правилами взаимодействия (протоколом)» [13, с. 456]. По мнению Д. Мадир (J. Madir), в автоматизации и самоисполнении заключается сущность смарт-контракта [14, с. 179]. Заметим, многие авторы употребляют термин «автоматизированное исполнение», но мы считаем, что при независимости исполнения от человека следует говорить об автоматическом исполнении.

Отсутствие необходимости совершения должником действия для достижения правового эффекта смарт-контракта порождает вопрос: правомерно ли в данной ситуации говорить об исполнении обязательства? Ведь оно подразумевает действие. Упомянутое в п. 1 ст. 288 ГК воздержание от действия здесь неприменимо, поскольку направлено на сохранение, а не достижение желаемого состояния. Вместе с тем в белорусском правовом порядке исполнение обязательства без соответствующего действия должника и даже помимо его воли возможно (например, расчеты с использованием платежных требований). Поэтому мы склоняемся к позиции, что конструкция автоматического исполнения обязательства согласуется с догмой гражданского права. Сомова Е.В. полагает, что «при исполнении обязательств из смарт-контракта необходимо использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства. Данная категория позволяет описать исполнение, которое осуществляется не должником, а, по сути, электронным агентом» [7, с. 82].

Таким образом, при формальном подходе к смарт-контракту он являет собой компьютерную программу (ее часть). Смарт-контракт, созданный творческим трудом, есть объект авторского права.

Однако функциональный подход обнаруживает иную гражданско-правовую природу смарт-контракта. Он может быть договором (его частью) в форме программного кода, но не всякий смарт-контракт есть договор.

Смарт-контракт, размещенный в открытом доступе в распределенной информационной системе, содержащий существенные условия договора и предложение заключить его на указанных условиях с любым, кто отзовется, считается публичной офертой. Она акцептуется конклюдентным действием участника сети.

Возникшие из смарт-контракта обязательства подлежат автоматическому исполнению. Изменение и прекращение смарт-контракта возможно, если он создан с инструкциями, исполнение которых влечет такое изменение или прекращение.

В завершении согласимся с А. И. Савельевым: «В перспективе следует ожидать повсеместного распространения автоматизированных договоров, в том числе смарт-контрактов, у которых полностью автоматизированным является не только процесс исполнения отдельных обязательств, но и его заключения» [13, с. 457].

Список использованных источников

1. Кириллова, Е. А. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфугарзаде. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 124 с.
2. Raskin, M. The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // Georgetown Law Technology Review. – 2017. – Vol. 1 – P. 305–341.
3. Caria, R. Definitions of Smart Contracts: Between Law and Code / R. Caria // The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms / ed. by L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2020. – P. 19–36.
4. Rudanko, M. Smart Contracts and Traditional Contracts: Views of Contract Law / M. Rudanko // Smart Contracts: Technological, Business and Legal Perspectives / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, S. Wrba. – Oxford, UK : Bloomsbury Publishing Plc, 2021. – P. 59–78.
5. Dalhuisen, J. H. Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial / J. H. Dalhuisen // Financial and Trade Law : in 6 vol. – 8th ed. – Oxford, UK : Bloomsbury Publishing Plc, 2022. – Vol. 3: Transnational Contract Law. – 308 p.
6. Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–117.

7. Сомова, Е. В. Смарт-контракт в договорном праве / Е. В. Сомова // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. – 2019. – № 2. – С. 79–86.

8. Ахмедов, А. Я. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов / А. Я. Ахмедов, А. А. Волос, Е. П. Волос. – М. : Проспект, 2021. – 224 с.

9. Зайнутдинова, Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Зайнутдинова ; Новосибир. нац. исследоват. гос. ун-т. – Красноярск, 2022. – 25 с.

10. Сафаргалеев, Л. И. Смарт-контракт – программный код, а не договор / Л. И. Сафаргалеев // Хозяйство и право. – 2019. – № 5. – С. 21–34.

11. Пучков, В. О. Является ли смарт-контракт договором? (К проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины) / В. О. Пучков // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 19–31.

12. DiMatteo, L. A. Smart Contracts and Contract Law / L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò // The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms / ed. by L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2020. – P. 3–18.

13. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2022. – 1496 с.

14. Madir, J. Smart Contracts / J. Madir // Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. – Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing Limited, 2021. – P. 175–198.